

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.25>

ТИПОЛОГИЯ ЭЙДЖИЗМА В КОММУНИКАЦИИ

Научная статья

Гуляева М.А.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0002-5536-5168;

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (maryilya[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию эйджизма, как значительной коммуникативной трудности в процессе межпоколенческого взаимодействия, которая может влечь за собой негативные последствия для участников коммуникации и проявляется как на институциональном, так и бытовом уровнях. Настоящая статья носит обзорный характер, преследуя цель раскрыть сложность и многогранность исследуемого явления. Автор сосредоточивает внимание на коммуникативных проявлениях эйджизма, анализируя его разновидности и способы их реализации в коммуникативной практике, а также на соотношении исследуемого феномена и гендера. Сложная природа анализируемого феномена повлекла за собой разработку типологической классификации, в которой представлены различные виды эйджизма, выделяемые на основе ряда признаков. По направленности на дискриминируемую возрастную группу разграничиваются эдалтизм или ювенальный эйджизм, джейнизм, геронтологический эйджизм, самоэйджизм; по наличию/отсутствию интенции выделяются преднамеренный и непреднамеренный эйджизм; форма выражения позволила выделить эксплицитный и имплицитный или латентный эйджизм.

Ключевые слова: эйджизм, эдалтизм, джейнизм, возрастная дискриминация, геронтологический эйджизм, самоэйджизм.

A TYPOLOGY OF AGEISM IN COMMUNICATION

Research article

Gulyaeva M.A.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0002-5536-5168;

¹Волгоградская область, Volgograd, Russian Federation

* Corresponding author (maryilya[at]yandex.ru)

Abstract

The article is dedicated to the study of ageism as a significant communicative difficulty in the process of intergenerational interaction, which can entail negative consequences for the participants of communication and is manifested at both institutional and everyday levels. The present paper is of an overview nature, aiming to disclose the complexity and multifaceted nature of the studied phenomenon. The author focuses on the communicative manifestations of ageism, analysing its varieties and ways of their implementation in communicative practice, as well as on the correlation between the explored phenomenon and gender. The complex nature of the analysed phenomenon led to the development of a typological classification, which presents different types of ageism, distinguished on the basis of a number of features. According to the focus on the discriminated age group, juvenile ageism, jageism, gerontological ageism, self-ageism are distinguished; according to the presence/absence of intention, intentional and unintentional ageism are distinguished; the form of expression made it possible to distinguish between explicit and implicit or latent ageism.

Keywords: ageism, adultism, jageism, age discrimination, gerontological ageism, self-ageism.

Введение

Публикация подготовлена в рамках поддержанного Волгоградским государственным социально-педагогическим университетом проекта «Функционально-прагматические характеристики коммуникации людей разного возраста в современной России», целью которого является рассмотрение функциональных и прагматических особенностей общения людей, принадлежащих к разным поколениям.

Возрастные стереотипы, процветающие в современном обществе, оказывают негативное влияние на различные аспекты жизнедеятельности и касаются представителей не только пожилого, но и молодого поколения. Речь идет о неравных возможностях при выстраивании карьеры, проведении досуга, ущемлении личностных прав в способах самопрезентации, социализации, дискредитации людей в обществе на основе укоренившихся предубеждений относительно образа жизни и поведения той или иной возрастной группы. Хотя вышеперечисленные проявления предвзятого отношения варьируются в зависимости от культурных, социальных и экономических факторов, а само понятие возраста, как показывает исследование О.А. Леонтович, достаточно относительно, «в связи с чем его периодизация представляет сложность и пересматривается со временем» [5, С. 161], можно говорить о том, что проблема распространена в обществе достаточно широко и накладывает свой отпечаток на качество и уровень жизни людей.

В настоящей статье эйджизм или дискриминация по возрасту рассматривается как значительная коммуникативная трудность в процессе межпоколенческого общения, нередко влекущая за собой негативные последствия для

участников коммуникации и проявляющая себя как на институциональном, так и бытовом уровнях. Внимание автора сосредоточено на коммуникативных проявлениях эйджизма. Цель настоящей статьи – рассмотреть разновидности эйджизма и проследить, каким образом каждый из видов реализуется в коммуникативной практике, а также изучить соотношения исследуемого феномена и гендера.

Методы и принципы исследования

Исследование проводится в рамках теории коммуникации, социо- и психолингвистики, социологии и психологии. Материалом исследования послужили комментарии из социальных сетей, посты в телеграм-каналах, рекламные слоганы косметологических клиник, записи устной речи. В качестве методов исследования выступают контент-анализ для объективного и систематического описания содержания массовой коммуникации, связанного с проблемами возрастной дискриминации; интроспекция – для анализа собственных проявлений возрастных особенностей коммуникации; наблюдение – для сбора данных, касающихся вербального и невербального поведения, коммуникативных и поведенческих стратегий представителей различных возрастных групп. Актуальность исследования обусловлена потребностью в установлении взаимопонимания между представителями различных поколений, а также изменениями в восприятии возраста, которые связаны с социальными процессами как в России, так и за ее пределами.

Проблема возрастной дискриминации активно исследуется психологами и социологами начиная с 1950-1960 годов. Термин «эйджизм» введен американским ученым, директором национального института старения США, Робертом Батлером в 1969 г. и трактуется как «социальная практика, основанная на стигматизации различных групп людей исключительно из-за их хронологического возраста, через институционализованные практики и политику, а также через отношения и убеждения отдельных лиц» [7, С. 148]. Согласно такой позиции, среди ключевых элементов эйджизма выступают негативные стереотипы старости и старения, а также дискриминационные практики в адрес пожилых людей на разных коммуникативных уровнях. Отметим, что возрастная дискриминация проявляет себя не только в сторону старшего поколения, но и касается других возрастных групп. Феномен эйджизма сам по себе крайне сложен, многогранен и чаще всего имеет скрытый характер. Его языковые проявления часто настолько закреплены в сознании людей, что не оказывают значительного влияния на коммуникантов и воспринимаются как само собой разумеющийся факт. По мнению Э.Лассан, в русском языке эйджизм заложен изначально в связи с наличием обидных наименований, демонстрирующих ущербность людей преклонного возраста [4, С. 905]. Однако, в современных реалиях, когда новая этика охватывает изменения в общественных нормах, ценностях и моральных установках, в языке происходят значительные трансформации, переосмысление привычных высказываний и выражений и формирование новых коммуникативных привычек, основанных на идеях политической корректности, толерантности и инклюзивности в обществе.

Основные результаты

Эйджизм как социальное явление имеет свои традиционные сферы проявления, а также разновидности в зависимости от направленности на дискриминируемый возраст. Ранее в своей статье «О некоторых особенностях коммуникативного поведения российской молодежи» мы уже говорили о разнонаправленности исследуемого явления и предприняли попытку описать два типа эйджизма [2, С. 31-39]. Напомним, что в контексте возрастной дискриминации принято выделять эдалтизм и дженнизм. *Эдалтизм* (от англ. «adult» – взрослый), подразумевает дискриминацию молодых людей старшим поколением, «обидное поведение в сторону юного поколения и принижение их личного потенциала людьми старшего возраста, имеющими большее влияние в основных сферах жизни» [10, С. 181]. Этот феномен может проявляться в различных формах, включая стереотипы, предвзятое отношение, ограничения, накладываемые на молодежь. Существует еще один термин, характеризующий то же явление дискриминации по отношению к молодым людям и детям – «ювенальный эйджизм» [1, С. 276]. Среди наиболее популярных причин критики и недоверия выступают недостаток опыта, несерьезность, непостоянство. В таких сферах как политика, культура, бизнес молодые люди часто не воспринимаются в серьез, а поэтому не представлены достаточным образом. Их мнения и идеи могут игнорироваться в пользу более опытных и зрелых. Молодой стендап комик Сергей Орлов в одном из интервью, когда разговор затронул проблему эйджизма, говорит следующее: «*Меня это касается, когда люди смотрят на меня, видят во мне какую-то малолетку и относятся ко мне несерьезно*». Молодые люди нередко отращивают бороду, чтобы придать внешности возраста, а значит серьезности, чтобы вызвать уважение и равное отношение с коллегами или бизнес партнерами.

В коммуникативной практике эдалтизм реализуется с помощью определенной манеры общения. Часто такая манера подразумевает категоричность, снисходительное отношение, покровительственный тон, а также высокое содержание замечаний, неслушание, неодобрение и различного рода комментариев, подчеркивающих, недостаточную зрелость и опытность молодых людей. Обращают на себя внимание обращения старших к молодым людям, которые часто носят уничижительный характер, не смотря на достаточно нейтральную форму.

«*Деточка, ты сколько тут работаешь? 1.5 года? А я 15 лет*». В данном контексте нейтральное «деточка» приобретает отрицательную оценочность в связи с намерением говорящего подчеркнуть ощутимую разницу в возрасте и неопытность коллеги.

Обращает на себя внимание ряд номинаций, среди которых встречаются довольно резкие: *щенок, сосунок, сопляк, малолетка и др.*

Проявления эдалтизма на институциональном уровне нередки. Молодым работникам отказываются доверять ответственные задания или назначать на высокие должности.

К более привычному и распространенному виду эйджизма, когда дискриминируются старшие возрастные группы, относится дженнизм, подразумевающий «предпочтение более молодому возрасту, основанное на идее о «высокой жизнеспособности и физической привлекательности молодого поколения» [10, С. 182]. Старшее поколение может

стать объектом насмешек из-за своих устоев и образа жизни, которые не соответствуют современным реалиям, а также из-за чрезмерного консерватизма («*Да вы ничего не понимаете! Сейчас другая жизнь!*»), стремление сохранять достойный образ жизни («*Вы свое пожили, дайте пожить другим!*»), отсутствие вкуса («*Ищу квартиру, не бабушкин ремонт*», «*нарядилась как бабка*»), незнание современного сленга или, к примеру, занятия «не по возрасту», несоответствующие возрастным стереотипам [10, С. 179].

Использование упрощенного или снисходительного языка, как будто пожилые люди не способны понимать сложные идеи. Игнорирование мнения людей старшего возраста, обесценивание их жизненного опыта и знаний, избегание общения в целом, использование оскорбительных обращений (*бабка, дед, старикашка, старуха, старая гримза, старая корга и др.*).

В сети довольно распространена фраза, ставшая мемом «*ОК, бумер*», которая представляет собой своеобразное эйджистское обобщение, где бумер – любой, родившийся в 1945–1961 годах. Однако фактически, молодежь часто относит к бумерам всех старше 40 лет, кто дает непрошенные советы, поучает и ссылается на богатый жизненный опыт. Сама фраза используется в значении «бесполезно спорить со стариками» и является ярким примером современного эйджистского языка, так как навязывает старшему возрасту определенную манеру общения (нравоучения и морализаторство).

На институциональном уровне происходит повсеместное ущемление прав и дискриминация пожилых людей. Эйджизм обнаруживается в официальных штампах «возраст дожития», «пенсия по старости», в объявлениях о приеме на работу: «до 35 лет», «до 40 лет». На рабочем месте старших сотрудников часто не отправляют на обучение и не поручают креативные задачи, связанные с новыми технологиями. Среди молодежи существует стойкий стереотип, что старшее поколение не имеет представления об IT и профессиях, связанных с этой сферой деятельности. Телеграм-канал «Беспощадный пиарщик» иронично высмеивает молодое диджитал агенство за эйджистское отношение к людям старше 40 лет. В комментариях к посту аудитория пишет, что возраст 50+ относится к самым эффективным в бизнесе за счет высокой обучаемости сотрудников. На что представитель агентства, девушка чуть старше 20 лет, удивленно реагирует: «*Но поймут ли люди 50+ что такое трафик и контекстная реклама, когда многие из них не знают даже что такое word u safari*».

Следующей разновидностью эйджизма, близкой по значению к джейнизму является геронтологический эйджизм. В случае геронтологического эйджизма (не просто дискриминация старшего поколения, а именно стигматизация пожилых людей) одной из основных причин является страх старения и смерти. «Человек боится необратимости, неизвестности, потери самостоятельности и самодостаточности, беспомощности, его корбит гордость, в результате чего современное общество сталкивается с геронтофобией – боязнью и избеганием людей старшего поколения» [10, С. 183]. Постоянной проблемой является неумение и нежелание врачей общаться с пожилыми пациентами. На приеме у врача часто можно услышать: «*У вас же возраст. Что вы хотите?*» Недостаточное внимание к пациенту, раздражение, упрощение информации, избегание деталей, объяснений диагнозов и оснований для назначений и т.д. Из-за такого отношения качество лечения пациента с болевым синдромом гораздо ниже, чем у молодых. Согласно психологическим исследованиям, упоминаемым в статье А.А. Нестеровой и И.В. Соколовой «*Эйджизм и стигматизация пожилых людей представителями разных поколений: сравнительный анализ*», «эйджизм, направленный на пожилых людей, оказывает негативное влияние на их здоровье, благополучие и качество получаемой медицинской помощи» [8, С. 146]. Пожилых, не спрашивая, наделяют ролью зрителя за внуками или принуждают переехать для улучшения жилищных условий более молодых членов семьи. В языке сложился ряд оскорбительных и уничижительных высказываний, которые нередко можно услышать в адрес пожилых людей: «*старичье*», «*на свалку пора*», «*старая развалина*», «*одной ногой в могиле*», «*гремит костями*», «*старпер*», «*старый хрыч*».

Следующим видом возрастной дискриминации, который мы рассмотрим в настоящем исследовании, является самоэйджизм. Данный вид эйджизма основывается на «усвоении стереотипов, которые приводят к ситуации, когда со стороны пожилого человека совершаются сознательные или бессознательные действия, приводящие к настраиванию окружения против себя, к самоунижению и самоуничтожению» [6, С. 109]. В результате пожилые люди теряют чувство собственного достоинства, испытывают стыд, погружаются в депрессию и отказываются от полноценной жизни, обосновывая это тем, что «*свое пожили*», «*зачем мне, я уже старая*» и т.д. В реальной коммуникативной практике самоэйджизм не имеет возрастных ограничений и имеет место, когда человек самостоятельно навешивает на себя возрастной ярлык, ссылаясь на свой возраст, оправдывая свое здоровье, способности или внешний вид. Например, сетования типа «*старость не радость*» или номинации, связанные с самоидентификацией «*я больной человек*», «*я старая больная женщина*», «*мне лет-то сколько!*», «*в моем-то возрасте*», «*мне уже поздно этим заниматься*», «*куда мне модничать, поди не молодая*», и др.

По наличию интенции можно классифицировать эйджизм на преднамеренный, основанный на умышленной дискриминации, угнетении представителей других возрастных групп, и непреднамеренный, подразумевающий бессознательное применение возрастных стереотипов. Во втором случае коммуникант бессознательно использует в процессе общения обидные для партнера фразы, подчеркивающие или указывающие на возраст. К таким паттернам часто относятся комплименты сомнительного содержания: «*отлично выглядишь для своего возраста*», «*а по тебе не скажешь, что тебе 35 лет*»; молодой поклонник исполнительнице: «*Я вырос на ваших песнях*».

По форме выражения целесообразно выделить эксплицитный и имплицитный или латентный эйджизм. При эксплицитном эйджизме адресант прямо и открыто высказывает свои предубеждения касательно какой-либо возрастной группы («*старикам здесь не место*», «*дискотека кому за 30*», «*не доросла еще, чтобы так разговаривать*»). Латентный эйджизм предполагает трансляцию непрямого, завуалированного негативного отношения к представителям какой-либо возрастной группы, когда истинное значение высказывания выводится исходя из контекста и пресуппозиций. Такая форма дискриминации не всегда преднамеренна и несет в себе интенцию задеть партнера по коммуникации. Скорее наоборот, эйджизм в латентной форме представляет собой эвфемистические

конструкции, направленные на сглаживание ситуации и предания высказыванию позитивной коннотации («серебряный возраст», «почтенный возраст», «возраст счастья», «женщина бальзаковского возраста»). В объявлении о найме новых сотрудников имплицитно сообщается, что людям старшего возраста в компании не рады: «Мы динамичная команда, и по нашим наблюдениям коллеги с большим жизненным опытом и экспертностью не всегда готовы к нашему ритму» [3, С. 7].

В дискурсе возрастной дискриминации ведущую роль играет гендерный аспект. Согласно статистическим данным, представленным В.П. Новиковой и О. А. Брагиной «женщины подвергаются оцениванию своей внешности и постоянно сталкиваются с эйджизмом (77% женщин подтвердили наличие дискриминации по возрасту в их рабочей среде)» [9, С. 81]. Женщине не принято задавать вопрос о возрасте, а само обращение «женщина» к молодой девушке воспринимается наравне с оскорблением. Доказательством этого послужил шуточный видеоролик из соцсетей, где молодой человек подходит на улице к девушкам и пытается познакомиться, начиная обращение со слова «женщина», на что следует незамедлительная реакция: «Женщина? Мы уже сразу ничего не подскажем». «Женщина? Сразу нет». «Мы не женщины. Нельзя». «Здесь женщин нет! Мы девушки».

Общество постоянно оказывает давление на женщин своими установками («бабий век не долог»), многие из которых связаны с возрастом. Незамужнюю до определенного момента женщину принято называть «старая дева», не родившую до 25 лет официально назначают «старородящей» и напоминают, что «часики-то тикают».

Стереотипы и предрассудки диктуют, как нужно себя вести, как выглядеть и чем заниматься, а возраст является одним из критериев оценки женщины («Забывала сколько тебе лет?» «Одевайся по возрасту» «Не будь смешной»).

Происходит непрерывное навязывание культура молодости со стороны индустрии красоты. Женщина должна выглядеть молодо, скрывать возрастные изменения, ложиться под нож, проводить всяческие манипуляции в борьбе со старением. Рекламные слоганы косметологических клиник предлагают неисчислимо количество способов «борьбы с возрастными изменениями кожи», «anti-age-методики», «омоложение без операции», «тотальное омоложение», «мощная подтяжка кожи», «лифтинг Нефертити». Салоны красоты заявляют о своем предназначении: «Наша миссия - помочь пациентам чувствовать себя молодыми и уверенными», ставя молодость в один ряд с уверенностью в себе, внушая тем самым, как важно быть молодым. Надпись на рекламном баннере одной из клиник привлекает внимание клиентов, манипулируя сознанием женщин, сконцентрированных на своей внешности: «Ваша молодость заканчивается. Продлевать будете?». Такой вопрос представляет собой скрытую тактику устрашения и призыва к размышлению.

В медиа дискурсе возрастные изменения у женщин стигматизируются, а личность женщины подвергается далекому от политкорректности оценочным суждениям. В своей статье «От эйджизма в языке к геронтофобии в тексте: о жанрах ненависти в сети» Э. Р. Лассан приводит примеры из статей молодых журналистов, где «достаточно часто встречается слово *престарелая* (словарные толкования: доживший(ая) до глубокой старости): *престарелая жена Макрона надела шорты* (65 лет), *престарелая жена Гогена Солнцева* (63 г.), *престарелая певица* (об А. Пугачевой) (69 лет)» [4, С. 914].

Нельзя обойти вниманием и кинематограф. После выхода продолжения популярного американского сериала «Секс в большом городе» на актрис обрушилась волна хейта. Комментарии в соцсетях и кинорецензии изобилуют эйджистскими высказываниями о внешнем виде главных героинь. Приведем в пример лишь некоторые из них: «секс в большом городе престарелых без Саманты», «этих старых теток вообще не следовало выпускать на экраны», «пронафталиненные подружки», «дамам нужно найти хороший дом престарелых», «по меркам современного кинематографа и стереотипов красоты они уже бабушки», «депрессивно, поседевшие с морщинами», «какие старенькие». Стоит отметить, что актрисам на момент съемок было 55-56 лет. Однако часть комментариев все же носит комплементарный характер, содержит похвалу, одобрение и положительные отзывы об актрисах («выглядят потрясающе», «любящие жизнь», «ну какие же красавицы», «шикарные»).

Реакция аудитории в социальных сетях на успешных, известных и ярких женщин среднего возраста порою поражает своей жестокостью и неадекватностью, особенно, если кто-то из них «осмеливается» одеться «не по возрасту» или выложить в сеть фотографию в купальнике. Из комментариев Светлане Бондарчук: «Что ты, бабка, надела купальник! Надень юбку длиннее!» «Оправдания престарелой старушки, которая пытается молодиться. Смешно». «Не гоже такой женщине умной и красивой и в таком возрасте в таких сессиях участие принимать». «Для чего выкладывать такие фото? Нелепо уже... Понимаю, когда молода...» «Смотришь на тело – красивое, поднимаешь взгляд – бабуля» «Не 20 лет, в связи с этим выглядит смешно». Укоренившиеся в обществе негативные установки и предрассудки относительно женского возраста ярко транслируются в коммуникации. Такого рода оценочные суждения являются прямым отражением неприятия обществом возрастных изменений. Однако все же, наличие поддержки, комплиментов, восторженных высказываний, которых всегда в разы больше, чем токсичных сообщений, в ответ на хейт обнаруживает конфликт между стереотипным восприятием женщины среднего возраста и новыми взглядами, формирующими позитивное отношение к внешности и разнообразию и отвергающие устаревшие предрассудки общества.

Дискриминация по возрасту касается не только женщин. Возраст мужчин также обсуждается в определенных контекстах, хотя и в гораздо меньшей степени. Комментаторы МАТЧ ТВ несколько раз назвали тренера сборной Испании, Луиса де ла Фуенте «стариком», «дедом» и «пенсционером в сандалях Эрмес», а популярный журнал Men'shealth опубликовал статью «Как оставаться в форме после 40», чем вызвал поток негодования мужчин. Такой заголовок воспринялся аудиторией как намек, что после 40 лет для мужчин наступает глубокая старость. Часто можно столкнуться с усмешками в адрес мужчин с отретушированными фото. Мужское желание казаться моложе и красивее воспринимается с иронией.

Заключение

Таким образом, отметим, что исследуемый в настоящей статье феномен возрастной дискриминации представляет собой достаточно сложное и многогранное явление, проявляющее себя в различных областях коммуникативного взаимодействия между поколениями. Типологическая классификация представляет собой виды эйджизма, выделенные на основе ряда признаков, таких как направленность на дискриминируемую возрастную группу (эдалтизм или ювенальный эйджизм, джейнизм, геронтологический эйджизм, самоэйджизм), наличие/отсутствие интенции (преднамеренный и непреднамеренный эйджизм), форма выражения (эксплицитный и имплицитный или латентный эйджизм). Кроме того, контент анализ современного состояния сети интернет, а также наблюдения автора выявили большую степень повсеместного деструктивного влияния эйджизма в России на женщин. Это доказывает, что, несмотря на меняющуюся в позитивную сторону риторику о политкорректности и толерантности в обществе, сохраняется высокая потребность в трансформации мышления и формировании новых коммуникативных привычек.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Булгарова Б.А., Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы. Кафедра массовых коммуникаций., Москва, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.25.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Bulgarova B.A., RUDN University named after Patrice Lumumba. Department of mass communications., Moscow, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.25.1>

Список литературы / References

1. Бояринова И.В. Ювенальный эйджизм в институтах социализации личности / И.В. Бояринова // Экономика и социум. — 2015. — № 3(16). — С. 276–279.
2. Гуляева М.А. О некоторых особенностях коммуникативного поведения российской молодежи / М.А. Гуляева // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. — 2023. — № 3(03). — С. 31–39.
3. Дроздова Т. Эйджизм в коммуникации: медиа, тексты, повседневное общение / Т. Дроздова // Социодиггер. — 2022. — Т. 3. — Вып. 5–6(18). — С. 7–11.
4. Лассан Э.Р. От эйджизма в языке к геронтофобии в тексте: о жанрах ненависти в сети / Э.Р. Лассан // Коммуникативные исследования. — 2019. — Т. 6. — № 4. — С. 905–919.
5. Леонтович О.А. Возрастная маркированность коммуникации людей старшего поколения / О.А. Леонтович // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ). — 2023. — № 3(43). — С. 152–165.
6. Мельниченко А.А. Особенности проявления эйджизма и меры по их устранению у представителей молодого поколения / А.А. Мельниченко, С.Г. Горелик, В.М. Стадниченко [и др.] // Пульс. — 2023. — № 25(1). — С. 107–111.
7. Микляева А.В. Методы исследования эйджизма: зарубежный опыт / А.В. Микляева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — С. 148–157.
8. Нестерова А.А. Эйджизм и стигматизация пожилых людей представителями разных поколений: сравнительный анализ / А.А. Нестерова, И.В. Соколова // Российский социально-гуманитарный журнал (прежнее название: Вестник Московского государственного областного университета). — 2023. — № 4. — С. 144–158.
9. Новикова В.П. Концепт эйджизм в инклюзивном медийном дискурсе (на материале английского языка) / В.П. Новикова, О.А. Брагина // Политическая лингвистика. — 2024. — № 1(103). — С. 76–84.
10. Петров В.Е. Эйджизм: понятие, виды и психологическая детерминация / В.Е. Петров, О.О. Ситникова // Социально-психологические проблемы в сфере сервиса: Сборник публикаций по итогам международной научно-практической конференции. — Москва: Спутник+, 2022. — Т. 1. — С. 178–183.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bojarinova I.V. Juvenal'nyj jejdzhizm v institutah socializacii lichnosti [Juvenile ageism in the institutions of personal socialization] / I.V. Bojarinova // Jekonomika i socium [Economics and Society]. — 2015. — № 3(16). — P. 276–279. [in Russian]
2. Guljaeva M.A. O nekotoryh osobennostjeh kommunikativnogo povedenija rossijskoj molodezhi [On some features of communicative behaviour of Russian youth] / M.A. Guljaeva // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki [Proceedings of Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological sciences]. — 2023. — № 3(03). — P. 31–39. [in Russian]
3. Drozdova T. Jejdzhizm v kommunikacii: media, teksty, povsednevnoe obshhenie [Ageism in communication: media, texts, everyday communication] / T. Drozdova // Sociodigger. — 2022. — Vol. 3. — Iss. 5–6(18). — P. 7–11. [in Russian]
4. Lissan Je.R. Ot jejdzhizma v jazyke k gerontofobii v tekste: o zhanrah nenavisti v seti [From ageism in language to gerontophobia in text: on genres of online hate] / Je.R. Lissan // Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Studies]. — 2019. — Vol. 6. — № 4. — P. 905–919. [in Russian]
5. Leontovich O.A. Vozrastnaja markirovannost' kommunikacii ljudej starshego pokolenija [Age labelling of older people's communication] / O.A. Leontovich // Uchenye zapiski Nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki (NOPriL) [Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics (NSAL)]. — 2023. — № 3(43). — P. 152–165. [in Russian]

6. Mel'nichenko A.A. Osobennosti projavlenija jejdzhizma i mery po ih ustraneniu u predstavitelej molodogo pokolenija [Features of ageism manifestations and measures to eliminate them in representatives of the young generation] / A.A. Mel'nichenko, S.G. Gorelik, V.M. Stadnichenko [et al.] // Pul's [Pulse]. — 2023. — № 25(1). — P. 107–111. [in Russian]
7. Mikljaeva A.V. Metody issledovanija jejdzhizma: zarubezhnyj opyt [Methods of ageism research: foreign experience] / A.V. Mikljaeva // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen]. — 2009. — P. 148–157. [in Russian]
8. Nesterova A.A. Jejdzhizm i stigmatizacija pozilyh ljudej predstaviteljami raznyh pokolenij: sravnitel'nyj analiz [Ageism and stigmatization of elderly people by representatives of different generations: a comparative analysis] / A.A. Nesterova, I.V. Sokolova // Rossijskij social'no-gumanitarnyj zhurnal (prezhnee nazvanie: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta) [Russian Social and Humanitarian Journal (former title: Bulletin of Moscow State Regional University)]. — 2023. — № 4. — P. 144–158. [in Russian]
9. Novikova V.P. Koncept jejdzhizm v inkluzivnom medijnom diskurse (na materiale anglijskogo jazyka) [The concept of ageism in inclusive media discourse (on the material of the English language)] / V.P. Novikova, O.A. Bragina // Politicheskaja lingvistika [Political Linguistics]. — 2024. — № 1(103). — P. 76–84. [in Russian]
10. Petrov V.E. Jejdzhizm: ponjatie, vidy i psihologičeskaja determinacija [Ageism: concept, types and psychological determination] / V.E. Petrov, O.O. Sitnikova // Social'no-psihologičeskie problemy v sfere servisa: Sbornik publikacij po itogam mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii [Socio-psychological problems in the sphere of service: Collection of publications on the results of the International Scientific and Practical Conference]. — Moscow: Sputnik+, 2022. — Vol. 1. — P. 178–183. [in Russian]